

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КОВАЛЬ А. И.

О СУБСТАНТИВИЗАЦИИ И ПРОНОМИНАЛИЗАЦИИ
В СВЕТЕ ДАННЫХ ЯЗЫКА С МНОГОКЛАССНОЙ СИСТЕМОЙ

0. Грамматически оформленные группировки имен существительных — одна из наиболее заметных и часто встречающихся структурных черт огромного числа языков, принадлежащих различным языковым семьям. Для обозначения таких группировок чаще других используют два термина — и м е н н ы е (согласовательные) к л а с с ы и р о д ы, причем одним из параметров, позволяющим эти термины типологически разграничивать, является количество грамматически оформленных субстантивных групп, свойственное данной языковой системе. Языки с малым числом субстантивных групп (две-три) обычно называют языками, имеющими род (или родовыми языками), а языки с большими наборами групп — языками с именными классами (или классными языками). Количество именных классов, образующих единую систему, может значительно варьировать от языка к языку. Те системы, которые включают более одного-двух десятков именных классов, могут быть обозначены как многоклассные или, в другой терминологии, громоздкие.

Специфика многоклассной системы рассматривается в этой статье на материале западноафриканского языка фула (аутолингвоним: *пулар-фульфульде*), принадлежащего западно-атлантической ветви нигеро-конголезской семьи языков. Среди африканских языков с именными классами (а возможно, и вообще среди классно-родовых языков) язык фула выделяется, по-видимому, максимально широким развитием системы классов. Даже в пределах одного диалекта может функционировать система, включающая до 25 именных (согласовательных) классов. Общая (наддиалектная) система по числу классов несколько больше, но вообще диалектные системы обнаруживают значительное сходство между собой, а различаются лишь частностями. Такая громоздкая классная система создает почву для развития некоторых специфичных черт в поведении грамматического показателя класса.

В фокусе внимания в настоящих заметках находятся те особенности функционирования классных показателей, которые позволяют по-новому взглянуть, в том числе и с типолого-теоретических позиций, на широко известные процессы субстантивации и прономинализации. Оба эти процесса — как субстантивация, так и прономинализация — манифестируются в фула через грамматический показатель] класса. В одних случаях показатель класса выступает как морфема, регулярно занимающая суффиксальную позицию (например, в существительных и их атрибутах), в других случаях — выступает как особая словоформа (местоимение или артикль).

Разный морфологический статус грамматического показателя виден из следующих фразовых примеров (данные диалекта масина). (Класс NDI) *Pati soodu ndii ngaari pooyundi, ndi (yo) nayeeri* «Не покупай этого

худого быка, он (есть) старый»; (Класс КО) *Mi nabii hudo koo, ko(yo) yoorko* «Я принес траву (определенную), она (есть) сухая».

В контексте с существительными *ngaa-ri* «бык» и *hud-o* «трава», принадлежащими различным именным классам (NDI и КО, соответственно), употреблены формы, содержащие показатели этих классов — причастия *rooyu-ndi* (NDI), *yoor-ko* (КО), прилагательное *nayee-ri* (NDI), указательное местоимение *ndii* (NDI) субъективные анафорические местоимения *ndi* (NDI), *ko* (КО), артикль *koo* (КО) (употребление различных алломорфов показателя класса регулируется определенными, достаточно сложными морфонологическими правилами).

Общий набор грамматических показателей классов, естественно, соответствует числу классов в данной системе. Именно показатель класса является той морфологической единицей, через употребление которой достигается формальное выражение согласования с существительным, контролирующим синтаксическую связь. Нужно специально оговориться, что термин «согласование» в данном случае имеет более широкий смысл, чем это часто принято в употреблении. Если оставить в стороне случаи глагольного согласования, то наиболее общепринятое понимание согласования распространяется обычно лишь на атрибутивный тип синтаксической связи, реализующейся в синтагме, где формальные характеристики зависимого элемента определяются характеристиками вершинного элемента — существительного (например, в атрибутивных синтагмах «существительное + прилагательное») ¹. В случае развитой классной системы удобно в согласование включать также и анафорический тип связи, когда формальные свойства анафорической формы (например, субъектного или объектного местоимения) также определяются в зависимости от грамматической характеристики существительного-антецедента.

Ниже мы покажем, что правомерность такого объединения — атрибутивной и анафорической связи в общих рамках согласования — подкрепляется сходством поведения классного показателя в том и другом случаях.

1. При рассмотрении типа атрибутивной связи встает один важный вопрос, не имеющий в теоретическом языкознании однозначного решения, а именно — вопрос о содержательном соотношении категориального грамматического значения, выражаемого обоими участниками атрибутивной связи — контролирующим вершинным элементом, согласующим, т. е. существительным, с одной стороны, и зависимым элементом, атрибутом, с другой. Можно ли считать, что, например, в синтагме *скорый поезд* зависимый атрибут *скорый* содержит то же грамматическое значение, что и вершинный член — существительное *поезд*? В ответе на этот вопрос мнения лингвистов не совпадают. Одни авторы полагают, что категориальное значение присуще лишь согласующему, вершинному члену, в согласуемом же, зависимом члене оно преобразуется в категорию, имеющую лишь формально-синтаксическую значимость. Эта точка зрения отражена, например, в книге С. Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление», где формулируется, что категориальное значение, будучи содержанием согласующих, служит лишь предпосылкой для

¹ На подобном узком понимании согласования (в роде) настаивает автор недавней типологической работы [1], где и «местоименная соотнесенность, и артикль, и ряд других средств выражения категории рода» [1, с. 15] объявляются не имеющими отношения к согласованию.

согласования, в согласуемых же формах оно «деградирует до уровня компонента синтаксической формы» [2]. У других авторов этот вопрос решается принципиально иначе. Например, у А. А. Зализняка принимается, что «грамматическое значение прилагательного повторяет грамматическое значение подчиняющего существительного» [3]. Решение, что зависимый член повторяет, копирует грамматическое значение согласующего, поддерживается тем фактом, что при субстантивации грамматические характеристики прилагательного «автоматически превращаются в одноименные характеристики существительного» [3].

Именно последняя точка зрения убедительно подтверждается данными языков с многоклассной системой.

В словаре фула мы обнаруживаем огромное количество лексических единиц, представляющих собой субстантивированные формы: они имеют формальную структуру атрибутивных форм — прилагательных («первообразных» или отыменных) и особенно часто причастий, — но могут быть введены в словарь как существительные, поскольку для них характерно автономное, а не только синтаксически связанное (атрибутивное) употребление. Хорошим примером могут служить разнообразие наименования коров по признакам масти, возраста и других свойств (диалект футаджаллон): *ran-e* «корова белой масти» (адъект. корень *dan-/ran-* «белый»), *bey-nge* «дойная корова» (от глагольной основы «давать приплод»), *hii-poo-we* «корова, имеющая обыкновение мычать» (от глагола «мычать»), *didii-we* «двухлетняя телка» (от основы числительного «два») и многие другие подобные.

Как можно заметить, такой ряд представляет собой список существительных, обозначающих понятия, видовые по отношению к родовому *nag-ge* (класс NGE) «корова». С точки зрения их формально-смысловой структуры все эти слова состоят из основы (адъективной, глагольной и т. д.), специфицирующей какой-то конкретный признак (масть, возраст, свойство или способ поведения и т. д.), и суффиксального показателя класса NGE (здесь представлены его регулярные алломорфы), зависящего от классной принадлежности «родового» слова *nagge*. Классная принадлежность этого «родового» слова служит ключом, выявляющим классную мотивированность данного ряда субстантиватов; поэтому для подобных моделей было предложено такое «родовое» слово называть «ключевым словом», а подобный тип субстантивации — субстантивацией по ключевому слову [4].

Как можно интерпретировать процесс субстантивации по ключевому слову?

Если мы сопоставим, скажем, субстантивированную форму *ran-e* с именной атрибутивной группой, восполняющей ключевое слово, — *nag-ge ran-e* «белая корова», — то мы видим, что при элизии вершинного члена *nagge* его грамматические категориальные свойства передаются подчиненному, и теперь зависимый член группы начинает вести себя, как ее ядро. Субстантивированная форма, будучи включена в текст, автономна в том смысле, что она синтаксически не зависит от какого-либо существительного и сама обладает синтаксическими свойствами существительного — выполняет во фразе функции существительного, характеризуется сочетаемостью, свойственной существительному. Ср.: *mi soodi ran-e* «я купил белую-корову» и *mi soodi nag-ge* «я купил корову». Конкретная сочетаемость субстантиватов такого типа — та же, что и у любого другого существительного данного класса, ср. в диалекте масина: *ngee ran-e (yo) lobb-e*

«эта белая корова (есть) хорошая» и *ngee nag-ge (yo) lobb-é* «эта корова (есть) хорошая». Субстантиват, в частности, может сопровождаться согласованным атрибутом, ср.: *mi soodi ran-e lobb-e* «я купил хорошую белую корову» и *mi soodi nag-ge lobb-e* «я купил хорошую корову». Итак, *rane* — это теперь тоже существительное класса NGE, но с особой деривационной историей.

Однако здесь необходимо сделать еще одно, не менее важное наблюдение: с точки зрения своей семантики субстантивированные формы имеют ту особенность, что они включили в себя не только грамматическое, но и лексическое значение элидированного ключевого слова. В нашем примере это хорошо видно хотя бы по русским эквивалентам, где мы не можем передать лексического значения субстантиватов, не прибегая к слову «корова», — т. е. к лексическому значению ключевого *nagge*.

Тем самым в субстантивации по ключевому слову мы обнаруживаем проявление стандартного речевого процесса конденсации смысла (или семантической конденсации), связанного с поисками более экономного способа номинации. Это свойство субстантивированных форм было отмечено, вообще, еще А. М. Пешковским, давшим настолько тонкий и глубокий анализ субстантивации, что он до сих пор требует все новых и новых обращений к наблюдениям этого ученого. А. М. Пешковский писал, что субстантивированное прилагательное «с л о в а р н о как бы вбирает в себя исчезнувшее существительное и начинает обозначать уже не только то, что оно обозначало раньше, когда было прилагательным, а еще и то, что обозначало это существительное». И далее: «При субстантивации прилагательного значение последнего суживается, и этим сужением и объясняется ненадобность для грамматической мысли существительного» [5, с. 161—162].

Это кажется удивительно верным по отношению к нашему материалу. Ведь поскольку лексическое значение ключевого слова уже по существу учтено в субстантивированной форме (через посредство классного показателя), то «восстановленное» словосочетание имеет в глазах носителя языка характер избыточного, неэкономного, плеонастического способа номинации (нечто вроде *nagge ran-e* «корова белая-корова»).

С другой стороны, проведенный под этим углом зрения анализ субстантиватов выявляет одну нетривиальную функциональную особенность морфологического классного показателя, используемого в субстантивированных формах. Если в атрибутивной синтагме классный суффикс *с о о т н о с и т* определение с вершинным существительным, то в случае субстантивации определения эта единица еще и *з а м е щ а е т* собою элидированное ключевое существительное. Следовательно, при субстантивации отмечается совпадение атрибутивной и анафорической функций показателя класса.

Словарь фула изобилует такими небольшими лексическими подсистемами, представляющими собой коллекции субстантивированных атрибутов, через показатель соотносящихся с ключевым словом-понятием. Так оформляются, например, названия сортов сельскохозяйственных культур (ср. фута-джаллонское *yaaw-ko* «скоропелый рис», собств. «быстрый — КО», *wit-o* «неочищенный рис», собств. «слепой + КО» при ключевом *taago* «рис», класс КО), разновидностей орудий (к примеру, названия разновидностей палок по их виду или функциональному назначению, оформленных по классу NDU при ключевом *sawru nduu*), видов построек или животных по их отличительному признаку и т. п.

Каким образом такие формы анализируются слушающим, позволяя ему

соотносить каждую данную форму с ее референтом (денотатом)? Первоочередную роль здесь, конечно, играет общность апперцепции говорящего и слушающего, совпадение их предшествующего индивидуального опыта, что подкрепляется, с одной стороны, присутствием в субстантивированной форме классного показателя и, с другой стороны, контекстом. Но именно морфологический показатель класса является тем формальным элементом, который способствует успешной рестрикции, сужая множество возможных референтов до одного класса. В этом отношении фульская форма *gan-e* и ее русский эквивалент *бел-ая* отнюдь не идентичны, поскольку флексия *-ая* русской формы производит весьма слабую рестрикцию: множество возможных референтов включает огромную массу существительных женского рода. Суффикс же класса NGE сильно рестриктивен, — ведь класс NGE в фула включает всего несколько слов (не считая значительного числа субстантиватов), причем *nagge* «корова» — почти единственное слово этого класса, способное выступать в функции ключевого при субстантивации.

По поводу референциальной соотносимости субстантивированных форм А. М. Пешковский писал: «Можно сказать, что в прилагательном есть нарек на предмет, и если предмет настолько известен, что одного намека достаточно, или если, напротив, он неизвестен, но говорящий и не хочет сделать его известным, а хочет только намекнуть на него, существительное опускается» [5, с. 155]. Так вот, при наличии системы, подразбивающей существительные на столь дробные множества, как в фула, этот «нарек» на существительное намного сильнее, чем при трехродовой системе, как в русском (тем более, что в рамках каждого класса число слов, претендующих на роль ключевых, ограничено).

Отдавая должное «рестриктивной силе» суффиксального классного показателя, не следует, однако, недооценивать и роли лингвистического контекста — как морфологического, так и синтаксического. Значение морфологического контекста очевидно в случаях, когда субстантивированная форма включает корень с «необщим», специфическим значением. Например, адъективный корень *caaj-/saaj-* обозначает масть лошадей и коров, имеющих белые отметины — белые подпалыны, белые ноги, белую звезду во лбу². Узкая лексико-морфологическая сочетаемость этого корня позволяет без труда определить значение не только формы *saaje* NGE «корова с белыми отметинами», но и форм *caaju* NGU «конь с белыми отметинами», *caajiri* NDI «бык с белыми отметинами»³. Хотя в классах NGU и NDI имеется множество существительных (в том числе и неодушевленных), здесь верной рестрикции способствует морфологический контекст.

Синтаксический контекст может иметь решающее значение в более сложных случаях, когда морфологические компоненты субстантивата характеризуются в семантическом отношении высоким уровнем свободы сочетаемости. К примеру, взятая вне контекста форма *ool-i* состоит из адъективного корня *ool-* «желтый» и показателя класса множест-

² Исходное значение корня, по-видимому, требует уточнения, поскольку истолкования разных употреблений не совсем совпадают, — например, высказываются разные мнения о локализации отметины на теле животного.

³ Данные примеры показывают, что, строго говоря, суффиксальный показатель не является единственным средством маркировки класса в именной форме; тем же целям служат и чередования начальных согласных корня (здесь *s/c*). Разрабатываемая в статье тематика, однако, не требует с необходимостью вхождения в морфонологические детали, тем более, что ступень начального корневого согласного в определенном смысле дублирует информацию, сообщаемую классным суффиксом.

венного числа 'DI (алломорф-*i*). Употребленная в атрибутивной синтагме, она может связываться с любым существительным класса 'DI: *dawaadi ooli* «желтые собаки», *kudi ooli* «желтые травы», *na'i ooli* «желтоватой, палевой масти коровы» и т. д. Однако в контексте *kosam ooli* букв. «молоко палевых» субстантивированная форма отождествляется только с коровами. (В фульбском пастушеском эпосе *kosam ooli* составляет формулу-концепт, символизирующий избранничество и толкающий героев на борьбу за престижное право питаться молоком коров одной-единственной масти [6].)

Вообще, конечно, большая часть субстантиватов в фула лексикализована, и они закреплены в словаре как автономные существительные. Однако они не просто зачисляются носителями языка. Поскольку модель субстантиваций такого типа сохраняет живой и продуктивный характер, она потенциально способна порождать новообразования и, в частности, используется как художественное средство в поэтических текстах, в текстах, построенных на канонических началах (в религиозных, ритуальных и т. п.). Примером может служить следующий отрывок из стихотворной проповеди (диалект масина):

Dewtere ka Allah kaa yottike en

Wii en ndewen lobbol Laamdo

«До нас дошла Книга / речи / Аллаха
И указала нам следовать доброй стезей Господа».

Русским словам *добрая стезя* в оригинале соответствует слово *lobbol*, представляющее собой субстантивированно употребленное прилагательное «добрый, хороший, благой» с показателем класса NGOL (здесь алломорф *-ol*), отсылающим к элидированному существительному *laawol* (NGOL) «путь, дорога, стезя». Форма *lobbol* в этом значении узуально не закреплена в словаре, однако известно всем общее каноническое содержание подобного рода текстов способствует тому, что рестрикция, приводящая к правильному референту, однозначно осуществляется любым слушающим (при попутном художественном эффекте недоговоренности). Для индивида же, незнакомого близко с текстами этого жанра, такое словоупотребление выглядит неожиданным — букв. «следовать доброй (?) Господа».

Следовательно, художественно-поэтическое использование приема окказиональной субстантивации опирается не только и не столько на ближайший лингвистический контекст, сколько на контекст жанровый, с его устоявшимися смысловыми ассоциациями.

Яркие примеры употреблений такого рода встречаем в текстах сказок, этого широко популярного в Африке повествовательного жанра. Всем и каждому знакомы свойства и повадки сказочных героев — животных, и рассказчик при изложении новой для аудитории фабулы опирается на это знание, редуцирует текст до предела, опуская все тривиальное (т. е. заведомо актуализованное в момент рассказа в сознании слушающих) и достигая тем самым и большего лаконизма, и большей экспрессивности. Так, сказка о побитой гиене завершается следующей тирадой: *huyi deppuru, cagal huncii gootal, suppike ladde. Ana anna — fowru yaarataa tati, so wanaa so wuldaama* «Взвыла вислозадая, а потом подвела одну (т. е. поджала ногу) и помчалась к лесу. А ведь известно — гиена не побежит на трех, пока не припечет». Неупотребленные субстантивные формы *koungal* NGAL «нога» и *koyde* 'DE «ноги» отразились лишь в «напоминающих»

в них формах числительных *goot-al* «один» и *tat-i*⁴ «три», содержащих суффиксы соответствующих классов (ср. данное О. Есперсеном определение бантуских согласовательных префиксов как «своего рода „напоминателей“ во всех подчиненных словах, относящихся к данному существительному» [7]).

Интересно отметить, что «намеки на предмет», содержащийся в классном показателе, используется как особый прием в загадках фульбе. Загадка, как известно, вообще обычно построена на сужении круга возможных референтов по их признакам; в данном случае используется еще и дополнительное средство более строгой рестрикции — до одного именного класса, например (камерунский диалект адамауа): *Dammiki juuta yepaande* «/Сам/ короткий, /да/ могила /от него/ глубокая», собств. «короткий длинен могилой». Исходя из русского текста, практически невозможно угадать, что ответом является «нож» (кинжал). Однако фульская форма *dammu-ki* «короткий» уже содержит элемент подсказки ответа: показатель класса KI позволяет отгадывающему сосредоточить свои поиски среди имен класса KI, куда среди прочих входит и слово *labi ki* «нож».

Другие примеры загадок с подсказкой классного показателя [8, 9]: *Man-nga teppere unordu*. — *Nyitiwa* (класс NGA) «Большой, пятка пестом. — Слон». *'Balee-jam, suudu ngabbi*. — *Ndiyam* (класс 'DAM) «Черная, дом бегемота. — Вода».

И напротив, если признаки, формирующие загадку, кажутся отгадывающему слишком сильно способствующими отгадке, он может ее усложнить, используя тот же механизм классного оформления атрибута. В таком случае употребляется суффикс какого-либо из «лексически открытых» классов — нейтрально-среднего класса 'DUM, аугментативного или диминутивного класса. Тем самым загадке сообщается характер рестриктивной ослабленности; например, первая из приведенных загадок приобретает вид: *Dammu-dum juuta yepaande* «/Нечто/ короткое длинно могилой» [8, с. 19].

И, наконец, оформление атрибута «чужеродным» классным суффиксом может создавать дезориентацию, преднамеренно увводя аудиторию от правильных поисков. Так, нередко в загадке используются формы класса O, при субстантивированном употреблении регулярно принимающие значение «человек, личность» вразрез с классной принадлежностью слова-отгадки: *Maay-do baari geet-o* «Мертвый /человек, мертвец/ прислонился к живому» (отгадка «сухое дерево и живое» содержит существительное класса NGAL — *Legg-al joor-ngal baari legg-al kec-al*). Подобные приемы позволяют вести и более сложную и тонкую вербальную игру, как, например, в загадке *Hurii-ndu yahaan-ndu* «Кровлей крыта, /а/ ходить может»: здесь оба причастия оформлены по классу NDU, что, с одной стороны, дезориентирует, наводя на мысль о слове-понятии *suudu* «хижина» (одно из ключевых слов класса NDU), и, с другой стороны, — ориентирует в сторону нужной рестрикции, поскольку к этому же классу NDU принадлежит и ключевое «птица». Отгадкой же является *gertogal* «курица», слово класса NGAL (в основе загадки лежит сходство куриного оперенья с куполообразной травяной кровлей).

Следует отметить, что русские эквиваленты не могут точно передать степеней усложнения загадок и вообще тонкостей описываемых языковых

⁴ Нерегулярный для класса DE алломорф *-i* используется только при согласовании числительных, где классный аффикс идентичен для двух плюральных классов — DE и DI, ср. *koy- de* (DE) *tat-i* «три ноги» и *na'-i* (DI) *tat-i* «три коровы».

приемов, и не могут именно потому, что малоклассная родовая система не обеспечивает тех разнообразных семантических отсылок, которые доступны громоздкой многоклассной.

2. Остановимся на особенностях поведения анафорических классных местоимений. Они также способны к автономному (в отрыве от соотносительного существительного) употреблению, поскольку местоимения, в отличие от классного суффикса в субстантиватах, лишены морфологического контекста (местоимения в общем случае образуют самостоятельную словоформу), их автономное, «безантецедентное» (если под антецедентом понимать чисто текстовой коррелят) введение в текст представляется на первый взгляд более странным и неожиданным.

Вообще в фула анафорическое местоимение употребляется в соответствии с общими правилами прономинализации — оно замещает ранее употребленное в тексте существительное. Ср., в дополнение к самым первым фразовым примерам настоящей статьи (диалект масина): *Aamadire Amnata naddi dewgal. Ngāl hawranī be* «Амаду и Амната вступили /в/ брак. Он оказался удачным для них». Здесь анафорическое местоимение класса NGAL (*ngāl*) замещает ранее употребленное существительное этого класса *dewgal*. Сущность прономинализации состоит в замене полной лексемы, — если она уже не передает новой информации, — на нелексическую единицу — местоимение. У. Чейф, например, определяет прономинализацию как «стирание лексической единицы»: «Если существительное передает старую информацию, говорящему незачем повторить его полностью» [10]. Приведенный пример иллюстрирует это утверждение.

Однако в текстах фула мы достаточно регулярно встречаемся с такими случаями, когда анафорическое классное местоимение употребляется в тексте при отсутствии кореферентной полной лексемы (т. е. существительного, контролирующего согласование). Подобные явления мы обнаруживаем в художественно-поэтических текстах. Ср., например, употребление того же анафорического местоимения *ngāl* в тексте ритуального песнопения Lootori [11], исполняемого при обряде омовения в канун Нового года (ранним утром в первый день первого лунного месяца *haagam*) (этот и все последующие примеры из диалекта масина):

Walaa ko watta be kawra
So naa so biddo malaama
Ngada tenyina ngāl mabbe [11, с. 134]

«Ничто так / прочно / не свяжет их (т. е. мужчину и женщину)
Как благословенный сын
/ Чье рождение / упрочит их брак».

Слова *tenyina ngāl mabbe* букв. «упрочит его их» кажутся совершенно бессмысленными, если не знать, что местоимение *ngāl* имеет своим имплицитным антецедентом существительное *dewgal* «брак». В тексте «Омовения» полная лексема *dewgal* вообще ни разу не употребляется, но в данном случае рестрикция, позволяющая определить истинный референт среди существительных класса NGAL, подкрепляется контекстом и самим жанром песнопения, содержание которого вполне традиционно и общеизвестно: в этом жанре обычно тема любви, пожелания удачного брака, продолжения рода и т. п.

Таким образом, местоименный показатель класса оказывается также способным включать в себя лексическое значе-

и не коррелята-существительного и, тем самым, следует говорить не о стирании полной лексемы, а о ее содержательном включении в местоимение.

Здесь очевидна аналогия с «лексикализацией» суффиксального классного показателя при субстантивации, отсекающей ключевое существительное. Лексическое значение существительного, выполняющего имплицитно роль контролера согласования (в одном случае это ключевое слово, в другом — антецедент прономинальной формы), преобразуется в лексическую нагрузку согласованной формы при условии ее автономного (от контролера) употребления. Носителями этой «нагрузки» становятся классный суффикс субстантивата в первом случае и анафорическое местоимение в последнем.

Употребление «лексически нагруженного» местоимения при отсутствии существительного-антецедента в предтексте не может быть расценено как случайная оговорка автора текста, и это доказывается тем, что данное явление типично для обработанной речи. Оно не слишком часто, но достаточно регулярно встречается в фольклорных текстах и даже в текстах письменно-литературных. В повести малийского литератора Ибрагима Амаду Дикко содержится пример, аналогичный приведенному выше. Старик, один из героев повести, сетуя на новые порядки при совершении браков — но не употребляя слова *dewgal* «брак»! — заключает: *...sonaa almaami wuro kanyum e amiiru kabba ngal, so ngal dagonoo* «нужно, чтобы деревенский имам вместе с правителем заключили его (т. е. брак), чтоб он стал законным».

Можно привести пример, где автономность лексикализованного анафорического местоимения носит абсолютный характер, так как оно употребляется в абсолютном начале текста. Первая строка героического эпоса «Silaamaka e Pulloori» гласит: *Nduu wi'etee ndoondoore...* «Эта-она зовется „ндондоре“...». Здесь *nduu* — местоимение класса NDU, отсылающее к существительному *hoddu*, собств. «музыкальный инструмент типа лютни», в сопровождении которого гриот исполняет свои сказания и песни. Здесь *hoddu* понимается метонимически — как «мелодия, напев». Следовательно, фразу нужно понимать — «Этот напев зовется ндондоре».

Такое употребление местоименного классного показателя предполагает, конечно, полную осведомленность слушателей в особенностях не только данного жанра, но и его исполнения. Адекватное восприятие текста получает дополнительную поддержку в ситуации, а именно — в самой мелодии, сопровождающей пение или сказывание: песнь о Силамаке традиционно исполняется под наигрыш известной аудитории «музыкального девиза» или «личной мелодии» этого прославленного героя фульбского эпоса [12].

Аналогичные употребления мы встречаем и в «закрытых» стандартных текстах — в детских прибаутках, в канонических формулах, например, в религиозной формуле *Dewtere ka Allah kaa* букв. «Книга ее Аллаха», где рамка из анафорического местоимения и артикля /*ka ...kaa/* замещает неупотреблявшиеся существительное класса KA — *haala* «речь», т. е. в целом — «Книга речи Аллаха», т. е. Коран⁵.

⁵ «Безантецедентное» использование местоименно-артиклевой рамки является дополнительным свидетельством семантического сближения прономинальной формы и полной лексемы: анафорическое местоимение, повторяя категориальные свойства имплицитно стоящего за ним существительного, допускает употребление артикля, маркирующего признак определенности. Последнее имеет место в том случае, если местоимение занимает вершинную позицию в именной группе, включающей несогласован-

В конце сказки часто используется особая, закрывающая повествование ритмизованная формула:

<i>Doo ngol tawi kam,</i>	«Здесь она (т. е. сказка) застала меня,
<i>Doo bammi ngol,</i>	здесь я подобрал ее,
<i>Doo taaliimi ngol,</i>	здесь я поведаль ее,
<i>Doo njoppumi ngol</i>	здесь ее и оставил» [13].

Местоимение *ngol*, как в субъектной функции («она»), так и в объектной («ее»), соотносится в сознании рассказчика и аудитории со словом-понятием *taalol* NGOL «сказка».

Со всей определенностью проявляется особая стилистическая нагрузка автономного классного местоимения при его использовании в составе устойчивых формул из арсенала эпической поэтики — формул, кочующих из сюжета в сюжет и от одного сказителя к другому. О спешивающем с лошади витязе сказитель говорит: *O lati ngal e leydi* «Он ступил ею на землю», где местоимение *ngal* мыслится соотнесенным с неупотреблявшимся *koyngal* NGAL «нога». Постоянную характеристику «вечного всадника», эпического героя Хамма Аласейни Гакой, составляет нелегко интерпретируемое *Di joyi fuu faa di njari mbusam bii taltali* — буквальный перевод этого совершенно невразумителен («Они пять все так-что они напились костного-мозга сына узды»), если не знать, что за местоимением *di* стоит слово *pedelli* DI «пальцы», т. е. «Ладонь его пропиталась мозгом поводов» (как объясняют, поводы смазывают костным мозгом). Ср. наш вынужденно отдаленный от оригинала литературный перевод этого места: «Была рука его с уздой конской неразлучна». Примечательно, что в другом месте мы вновь сталкиваемся с «завуалированным» обозначением пальцев Хамма Аласейни, но уже с использованием автономного атрибута-прилагательного: *O itti joy makko jettari dii o faddi e baggol makko* «Он протянул пять своих озорных, он положил ей на талию» [14, с. 322].

Сопоставление двух последних примеров хорошо показывает, что автономные использования как местоимения, так и атрибута отражают единую в своей основе установку автора текста — придать субстантивному понятию (здесь — «пальцы») скрытый, или, точнее, полускрытый характер, чтобы создать стилистически значимую формулу поэтической недоговоренности.

Считать, однако, автономный показатель класса принадлежностью лишь «формульности» — означало бы неправомерно сужать функциональные границы данного языкового приема. Это общее явление фульского дискурса, опирающееся на специфические особенности устройства грамматики языка. В текстах различного жанра автономное классное местоимение встречается и в более произвольном контекстном окружении. Эпизод с объяснением двух эпических героев завершается репликой одного из собеседников: *Kaa kaaldeten, en kaaldataa ko wanaa kaa kasen!* — букв. «Только ее будем мы обсуждать, ни о чем, кроме нее, говорить не станем!» Дважды употребленное местоимение класса КА отсылает к неупомянутому существительному *haala* «речь», здесь скорее в значении «тема, предмет разговора».

ное (генитивное) определение. Тем же правилами регулируется употребление местоименно-артиклевой рамки при обычной анафоре с текстовым antecedентом, ср. (диалект фута-джаллон): *Rissu maa waawaali dogude ko fii koyde maggi no barmi; ngui am ngui adike ngui maa ngui* «Лошадь твоя не смогла бежать, потому что ноги ее изранены; она моя (определенный артикль) опередила ее твою (определенный артикль)».

Другой пример. Сказочный эпизод с героем, получившим вознаграждение, получает завершение: *Wakkii moyùere tum, wadi ngol e ciudi* «Взял на плечи свое добро, сделал ее к дому», т. е. «пустился в дорогу домой», ср. *laawol* NGOL «дорога». Местоимение того же класса может предполагать и другую отсылку, будучи мотивировано в сознании говорящего другим существительным из числа принадлежащих классу NGOL. Контекст помогает снять возникающую омонимию, как, например, в следующем фрагменте эпического текста: *O haalanoyi dun ngol* «Он сказал ему его» [15]; подразумеваемым контролером согласования здесь является существительное *konngol* (NGOL) «слово», т. е. «Он сказал ему слово».

Автоматическое понимание подобных пассажей доступно лишь искусственному в языке читателю или слушателю; при задаче же лингвистического перевода на другой язык подобные употребления требуют от переводчика особого комментария. Так, Кристиан Сейду, издатель футблского эпоса с французскими переводами, при переводе фразы *Ngal duggitii, ngal suppii e Sugi* (букв. «Она сорвалась с места, она устремилась к Суги») вынуждена прибегнуть к подстрочному примечанию, где существительное-контролер восстанавливается: *Ngal — oorngal ngal* («погода») [14, с. 214].

При работе с естественными носителями языка фула мы неоднократно имели случай убедиться, что для них смысловая идентификация подобных употреблений не составляет трудности. Хороший («подсказывающий») контекст способствует успешной актуализации в сознании слушающего/читающего определенного концептуально-семантического поля, адекватного замыслу говорящего. Переход же от концепта к номинации осуществляется через рестриктор — классный показатель, который и соотносит этот концепт с единственным именем из обозначенного класса, благодаря чему данное имя может быть однозначно восстановлено слушателем. Такой речемыслительный поиск создает предпосылку для эффекта стилистической сублимации: как подчеркивают филологически компетентные носители⁶, «безантецедентно» употребленное местоимение «звучит более весомо», нежели ординарное имя-коррелят.

3. Подытоживая все сказанное, подчеркнем продуктивность процесса лексикализации грамматического классного показателя: этот процесс составляет общую особенность как субстантивированных форм, так и анафорических местоимений. Базу для подобного явления, как уже отмечалось, создает широкое развитие классов, делящих существительные на достаточно дробные группы с особым грамматическим оформлением, а это, в свою очередь, облегчает задачу рестрикции при поиске возможных референтов показателя класса.

В языках с малым набором именных классов (например, в родовых языках) принцип субстантивации по ключевому слову вообще также имеет место (ср. положения Пешковского, а также русские примеры типа *заказное — заказное письмо, скорый — скорый поезд, скорая — скорая помощь, страстная — страстная неделя*), однако там он играет лишь маргинальную роль и поэтому, на фоне других, гораздо более продуктивных типов субстантивации, не акцентирует на себе внимания исследователей. В языках же с богатой (громоздкой) классной системой этот прин-

⁶ С благодарностью упомянем имена наших коллег из Мали — Адама Уана, Бурейма Нялибули, Бори Траоре, Мустафы Дикко, чьи комментарии сыграли важную роль в разработке данной темы.

цип лежит в основе одного из ведущих способов образования новых слов, позволяющих постоянно пополнять словарь и тем самым постоянно поддерживать и стимулировать живое функционирование классной системы.

Указанное различие как раз и обусловлено тем, что дробно дифференцированные грамматические разряды существительных обеспечивают более надежную идентификацию субстантиватов с ключевыми понятиями, а в случае автономных анафорических местоимений — с их имплицитными antecedентами, не представленными в тексте, но содержащимися в речевом опыте и в сознании говорящих и слушающих.

Лексикализация же грамматического элемента — показателя класса, — возникающая как следствие при автономизации субстантивированных и анафорических форм, именно и является, по-видимому, тем свойством, которое позволяет малийскому фуланисту Адама Уану сближать содержательно классную морфему с корневой, противопоставляя их вместе семантически более абстрактной глагольной морфеме. В своей работе, посвященной проблемам морфонологии слова в фульфульде [16], А. Уан подчеркивает, что классная морфема обладает не только абстрагированным, грамматическим значением, но также и значением деривационным, которое может быть настолько конкретным, «вещественным», что содержательно приближается к лексическому. Поскольку А. Уан в своих исследованиях мог опираться не только на лингвистическую методiku, но также и на глубокую интуицию в области родного языка, — такое совпадение в выводах (при достаточно различных подходах) кажется весьма благоприятным свидетельством в пользу решений, предлагаемых в настоящей работе.

Подчеркнем также типологическую значимость приведенных в настоящей работе наблюдений. Данные языка с широко разветвленной системой именных согласовательных классов позволяют отчетливо показать общность двух языковых процессов — субстантивации и прономинализации, — которые в языковедческой традиции обычно рассматриваются как процессы совершенно независимые и даже принадлежащие различным сферам грамматики. Субстантивация и прономинализация имеют общее в функциональной природе — и тот, и другой процессы служат в дискурсе средством вторичной номинации. Громоздкая система субстантивных классов, обеспечивающая хорошо дифференцированные и способствующие успешной рестрикции мыслительные отсылки, создает благоприятные условия для повышенно активного развития процессов субстантивации и прономинализации. Существенно, что общность функции здесь имеет и формальное отображение, поскольку оба процесса опираются на один и тот же субстанциальный механизм — автономное (в «отрыве» от мотивирующего их форму существительного) использование классного показателя.

По-видимому, типологами еще недостаточно оценены возможности, которые таит в себе многоклассные системы в плане вскрытия фундаментальных механизмов, обеспечивающих текстовую редукцию полных языковых выражений, — таких, как субстантивация, прономинализация и другие виды анафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А. Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // ВЯ. 1984. № 1.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 18.
3. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 83.

4. Коваль А. И. О значении морфологического показателя класса в фула // Морфология и морфология классов слов в языках Африки. М., 1979. С. 77—95.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.—Л., 1928.
6. Коваль А. И. О художественном сублимировании бытового мотива в африканском эпосе // IV Всесоюзная конференция африканистов: Тез. докл. и научн. сообщ. Вып. IV. Ч. 2. М., 1984.
7. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 263.
8. Lebeuf J. P., Lacroix P.-F. Devinettes peuls. P., 1972.
9. Noye D. Cours de Foulfouldé. Paris — Maroua, 1974.
10. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975. С. 296—297.
11. Bâ A. H. L'éclat de la grande étoile suivi du Bain rituel. Récits initiatiques peuls. P., 1974.
12. Silâmaka et Poullôri / Ed. Seydou Ch. P., 1972.
13. Коваль А. И. Сказки фульбе // Африканская сказка. М., 1984.
14. La geste de Ham-Badédio / Ed. Seydou Ch. P., 1976.
15. Hambodejo, Silamaka et Hamma Alaseyni Gakoye par Diam Boukari / Ed. Yattara A. M., Cissé B. // Sankore. Revue périodique. Bamako, 1975. P. 33.
16. Уан А. Проблемы морфонологии слова (на материале языка фульфульде): Дис. ...канд. филол. наук. М., 1976.